

УДК 340

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА И НАЦИИ

Юсифзаде Аида Мамед кызы

*Азербайджанский государственный университет языков
ул. Рашида Бейбутова, 60, AZ1055, г. Баку, Республика Азербайджан*

Юридическое сужение объема внутреннего суверенитета в условиях нового миропорядка и растущей глобализации вызвало острые дискуссии среди политологов: «Быть суверенитету или относиться к нему как к бесполезному рудименту?» И, поскольку современные реалии не являются утешительными по поводу дальнейшей судьбы суверенитета, полемика представителей разных политологических направлений продолжается. Если исходить из того, что суверенитет нации – первооснова, а суверенитет государства – форма реализации суверенитета нации, живущей в этом государстве, то обе установки на суверенитет (нации и государства) неукоснительны и не подлежат упразднению. В таком случае для национальных государств требуется новая модель суверенитета, а также необходимо введение дополнений к международным нормам об особых ситуациях, допускающих вмешательство во внутренние дела государства.

Ключевые слова: суверенитет, государственный суверенитет, суверенитет нации, национальная идентичность, глобализация, мультикультурализм.

Концепт суверенитета включает в себя единство, независимость и целостность, характеризующие статус и роль государства в международных отношениях. В контексте межгосударственных норм и принципов суверенитет является неотъемлемым свойством государства как субъекта международного права – международной правосубъектности, [1], которая закреплена в Уставе ООН и других международных актах.

Суверенитет нации – это самоопределение полновластия и реальной политической свободы, способствующие развитию демократических отношений. Он является первоосновой, тогда как суверенитет государства – формой реализации суверенитета нации, живущей в этом государстве.

В Декларации ООН о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и наций об ограждении их независимости и суверенитета говорится: «Все государства должны уважать право народов и наций на самоопределение и независимость, и это право должно осуществляться свободно, без какого-либо внешнего давления, при полном соблюдении прав человека и основных свобод» [4].

В случае потери государством своей суверенности говорить о политико-правовой самостоятельности государства, его высшей ответственности и ценности как первичного субъекта международного права абсурдно.

Юридическое качество независимого государства – неотчуждаемо. Верховенство государственной власти и неподчинение власти другого государства, возникающее или исчезающее в силу добровольного изменения статуса независимого государства как цельного социального организма, предусмотренного в правовом равенстве независимых государств, обусловлено именно государственным суверенитетом [3, с. 246].

Такие высокие определения суверенитета существовали до второй половины XX в. Но со второй половины XX – начала XXI вв., за счет международных договоренностей, а также под действием сложившихся моделей и традиций поведения государств в вопросах

прав человека стало происходить юридическое сужение объема внутреннего суверенитета [17, с. 213–233]. Под его влиянием, а также под влиянием растущей глобализации и новой структуры миропорядка и ряда других факторов многие политологи изменили свои взгляды на понятие «суверенитет». Они разделились на позиции гиперглобализма, антиглобализма и скептицизма, а также трансформизма [7].

К. Омае, В. Райнеке и другим гиперглобалистам традиционные национальные государства в эпоху глобализации стали представляться «неестественными и невозможными коммерческими единицами мировой экономики» [13, с. 5]. Они ссылаются на экономическую глобализацию, порождающую новые формы социальной организации, вытесняющие национальные государства как первичные экономические и политические образования мирового сообщества, а также на финансовые рынки и транснациональные компании, разрушающие национальные границы и стирающие культурные различия.

Действительно, мощь и возможности государств-наций контролировать свою судьбу стали уменьшаться. В. Райнеке пишет: «Государство потеряло монополию на внутренний суверенитет, оно стало принадлежностью прошлого» [15, с. 137]. К причинам потери государствами национальной идентичности относят:

1) Ослабление гражданской лояльности и вместе с ней организующей мощи, имеющих место в период государственного кризиса, когда народ перестает доверять своему правительству. Из опубликованного опроса общественного мнения в европейском журнале “Foreign Policy”, в конце 90-х гг. XX в. падение доверия к правительству было зафиксировано в 11 европейских странах [8, с. 46].

Респонденты выражали недовольство и несогласие с государственным курсом и практикой, ощущали себя маргиналами. Так, в Германии немцы не выражают особого удовлетворения политикой Ангелы Меркель. 30 июля в Венесуэле прошли выборы в Конституционную ассамблею, обладающую правом менять государственный строй страны и реформировать ее основной закон. Однако оппозиционеры сочли это голосование антиконституционным и отказались от участия в выборах, это вылилось в политические акции. В штате Мерида прошли столкновения между демонстрантами и национальной боливарианской гвардией. В США не утихают, а все более разгораются страсти по поводу прихода к власти Дональда Трампа. В Лондоне также проходят мирные акции протеста и т.п. по многим странам мира.

2) Рост давления негосударственных организаций. В начале XX в. в мире было всего 37 межгосударственных международных организаций и 176 негосударственных международных организаций, через сто лет, в начале XXI в. количество межгосударственных международных организаций выросло до 260, а негосударственных международных организаций – до 5 472 [10, с. 53].

В середине XIX в. в мире ежегодно созывалось 2–3 международных конференции, в XX в. в год их созывалось более 4 000 [11]. Такие организации, как Г-7, ЕС, МВФ, ОЭСР, ОБСЕ, ПАСЕ, АПЕК, МЕРКОСУР и прочие, принимают на себя ряд функций международных субъектов, попирающих самостоятельность суверенных держав [5, с. 129].

3) Интересы экономической экспансии противодействуют фиксации национальных границ; государственные национальные банки не контролируют национальную валюту (всё чаще они превращаются в объект нашествия потоков иностранной валюты); учащаются террористические акты; распространяются наркотики; компьютеры подвергаются информационным радиоволнам; активизируются религиозные секты.

О. Кенечи пишет: «Потребности экономического роста не сочетаются со святынями национальной суверенности, национальные границы препятствуют экономическому росту

и в целом общественной эволюции. На смену традиционным государствам должны прийти региональные государства и естественные экономические зоны» [13, с. 5].

4) Социально-экономические факторы – новые условия мировой торговли, миграционные потоки беженцев, информационный терроризм, националистические выпады;

5) Перемещение ресурсов, наркотиков и международных террористов. Резолюция № 1373 Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г. отмечает «тесную связь между международным терроризмом и транснациональной организованной преступностью, незаконными наркотиками, отмыванием денег, незаконным оборотом оружия и незаконными перевозками ядерных, химических, биологических и других потенциально смертоносных материалов».

Приведенные факты и обоснования создают угрозу государственному суверенитету.

Однако антиглобалисты-скептики придерживаются другого взгляда. По их мнению, «национальное государство не исчерпало свой исторический ресурс» [2]. Для них «государство не жертва глобализации», а ее творец, поэтому они не согласны с тем, что в новом мире государство отходит на второй план, и придерживаются позиций, что глобализация создает предпосылки для усиления автономности государства и поддерживает возрождение самоопределения в различных частях мира [9, с. 13].

По утверждению Т. Ниропа, являющегося сторонником трансформистского подхода, «сегодня фактически все национальные государства постепенно переплелись с функциональными частями более крупной модели глобальных преобразований и глобальных потоков. Все страны мира в том или ином отношении являются теперь функциональной частью глобальной системы» [12, с. 171].

Однако единая глобальная система, по мнению трансформистов, вовсе не сближает государства и нации до единого мирового сообщества. Трансформисты воспринимают глобализацию в совокупности с новыми моделями глобальной стратификации, например несовпадением национального экономического пространства с его территориальными границами, которая в состоянии привести к потере национальным государством своего исключительного права на власть в собственных территориальных границах. То, что для современной эпохи характерно разрушение территориальной политики, правления и руководства, является очевидным, как и то, что необходимы новые формы организации территории.

К сожалению, «суверенитет национального государства как самоуправляемой, автономной единицы, в настоящее время больше является нормативным требованием, нежели дескриптивным утверждением» [16].

Сегодня, в более взаимосвязанном мире, приспособившись к возрастающей сложности процессов управления, власть вынуждена преобразовываться и реструктуризоваться. Другое дело, в каком направлении пойдет процесс реструктуризации.

Если из каждой приведенной позиции (гиперглобализма; антиглобализма и скептицизма; трансформизма), выделить рациональные моменты и затем обобщить их, появится возможность для построения наиболее адекватной модели государственного суверенитета, приемлемая для национальных государств в условиях глобализации.

Однако, если теоретически можно выстроить адекватную модель суверенитета, причем не только государства, но и нации, то удержать суверенитет в условиях информационного терроризма практически невозможно. Порой мы видим, как сужается блокада вокруг провинившегося государства, как расшатывается и взламывается его суверенитет. Причем от информационного терроризма не застраховано ни одно государство. Информационные атаки в состоянии изменить реальную самостоятельность государства в формировании и

реализации своей внутренней и внешней политики, а также в состоянии воздействовать на восприятие границ суверенности как внутренними, так и внешними факторами. Среди политических, экономических, военных факторов, определяющих суверенитет государства, особую роль играет национально-государственная самоидентификация граждан. В период Советского Союза разрушались малые национальные идентичности, проводилась внутригосударственная политика, направленная на отчуждение их от своей культуры, истории, языка. Новая эволюционная фаза развития политической организации общества обусловила появление внешних структурных компонентов. Как уже было отмечено, в современный период активированы такие внешние факторы, как воздействие наднациональных институтов на национальные идентичности, а также международная нелегальная миграция.

Существенно меняют ситуацию интеграционные процессы, миграционные потоки и сама возможность временного или постоянного выезда за рубеж. Международная, нелегальная миграция выступает особо сильнодействующим средством подрыва и уничтожения национально-государственной идентичности. Не зря европейские страны, пропагандировавшие мультикультурализм как средство сохранения и развития культурных различий, как в отдельно взятой стране, так и в мире, в целом, в результате объявили о его несостоятельности.

На протяжении XIX – XX вв. в странах Европы проводилась модель ассимиляции иммигрантов. В 80-е гг. европейские страны начали реализацию проекта мультикультурализма. Многочисленные мигранты, в основном выходцы из стран третьего мира, наводнившие Европу, вместо традиционного ассимилирования, начали объединяться в различные этнические сообщества. Так им легче было приспособиться и выжить. Более того, они начали отстаивать свои права на сохранение собственной культуры, традиций и обычаев. Это послужило тому, что мультикультурализм стал рассматриваться политиками в качестве инструмента, способствующего взаимообогащению культур и построению гармоничного общества. В 1980-е годы принципы мультикультурализма вошли в политическую практику большинства европейских стран. Мигранты заполнили Европу, неся свои культурные ценности и свои установки, они пытались изменить страны своего нового места жительства. Однако местное население не желало и не желает плавиться с мигрантами в одном котле, они ярко выражают свои протесты.

Так, в своем желании задеть мусульман в «Шарли Эбдо» была допущена карикатура на пророка Мухаммеда. Эксперт МГИМО Е. Пономарева считает: «Европа явилась уникальной площадкой, где в результате достаточно лояльного миграционного законодательства скопилось много представителей различных культур. Но люди, включенные в определенное культурное сообщество, в нем не ассимилировались, а жили диаспорами, анклавами, целыми районами. И в результате политика мультикультурализма привела к тому, что начал утрачиваться, размываться некий стержень традиционной Старой Европы. И когда ситуация уже стала невыносимой, тогда только политики подняли вопрос о том, что мультикультурализм не так уж важен» [6].

Однако отстаивая роль национально-государственной идентичности, в особенности в социально-политическом аспекте, являющейся важнейшей составляющей государственного суверенитета, а также мультикультурализм в целом, мы подошли к выводу, что отказ от мультикультурной политики не является правильным решением. Мультикультурализм возможен, есть немало стран (Канада, Австралия, Россия, Азербайджан), где он прижился и не только не подрывает суверенитет, а укрепляет его. Уже моноэтнические государства, такие как, Япония и Южная Корея, заявляют о необходимости внедрения этой политики и себя. Для этого необходимы: гуманистическая идеология, уважение к иным культурам и

достоинство собственной нации, а также, по нашему традиционному мнению и как показал опыт претворения политики мультикультурализма в жизнь, – историческая данность. Однако текучесть понятий не устраняет возможностей новых подходов к политике мультикультурализма, и вполне может случиться, что моноэтничные государства превратятся в пример удачной мультикультурной прививки.

Конечно, можно задействовать оборонный, экономический и другие подобные потенциалы и возможности государств, но они представляют важность только до тех пор, пока существует консенсус относительно главного вопроса: «Нужно ли, в принципе, жить в единых границах и под одним флагом людям с различными интересами, взглядами, верованиями?»

Список использованной литературы:

1. Государственный суверенитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/>.
2. Миргород Д. Теоретические аспекты исследования глобализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.pglu.ru/.
3. Моисеев А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты / А. Моисеев. – М.: Научная книга, 2006. – 246 с.
4. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.memo.ru>.
5. Уткин А. Месть за победу – новая война / А. Уткин. – М.: Эксмо, 2005. – 544 с.
6. Федосеев А. Крах мультикультурализма в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sozidatel.org/html>.
7. Хелд Д., Макгрю Э., Гольдблатт Д., Пerratон Д. Глобальные трансформации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.portalus.ru/modules/>.
8. Foreign Policy. Fall 1999. – P. 46.
9. Giddens A. Runaway world: how globalization is reshaping our lives / A. Giddens. – Routledge, 2003. – P. 13.
10. Held D. E.A. Global Transformations. Politics, Economics and Culture / D. Held. – Cambridge: Polity Press, 1999. – P. 53.
11. Zacher M. International organizations // Krieger J. ed. The Oxford Companion to Politics of the World. – Oxford: Oxford University Press, 1993.
12. Nierop T. Systems and Regions in Global Politics : an empirical study of diplomacy, international organization, and trade, 1950–1991. – Chichester: J. Wiley, 1994. – 269 p.
13. Ohmae K., 1995, p. 5; ср.: Wriston, 1992; Guehenno, 1995.
14. Omae K. The End of the Nation State / K. Omae. – New York: Free Press, 1995.
15. Reinecke W. Global Public Policy / W. Reinecke // Foreign Affairs. – 1997. – Nov.-Dec. – P. 137.
16. Sandel M.J. Глобальные трансформации // Вопросы философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://portalus.ru/modules/philosophy/rus_.
17. Thomson J.E. State Sovereignty in International Relations: Bridging the Gap between Theory and Empirical Research / J.E. Thomson // International Studies Quarterly. – 1995. – № 39(2). – PP. 213–233.

SOME ASPECTS OF THE STATE AND NATION SOVEREIGNTY PROBLEM

Yusifzade Aida Mammad

*Azerbaijan State University of Languages
Rashyda Beibutova str., 60, AZ1055, Baku, Azerbaijan*

The sovereignty of a nation is not subject to abolition, for it is the fundamental principle; the sovereignty of the state is a form of realization of the sovereignty of a nation living in this state. Consequently, with rigorous attitudes, a new model of sovereignty is required for national states, as well as additions to international norms on special situations that allow interference in the internal affairs of the state.

Key words: sovereignty, state sovereignty, national sovereignty, national identity, globalization, multiculturalism.